

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія четвертый.

МАРТЪ.

№ 10.

1911.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.
РАННЯЯ ВЕСНА.
ЦЫГАНОЧКА.
ПЕРЕДЪ ВЕСНОЙ
Мѣтка „Е. И.“
ГОЛОВОЛОМКИ и проч.
РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Мебель для склеиванія.
Выкройка рубашки для мальчика.

1917

1917

1917

1917

1

1917

1917

1917

1917

1917

№ 10. Мартъ, 1911. Годъ изданія IV-й Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

— Не дамъ!

ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.

Буря усилилась настолько, что весь досчатый звѣринецъ дрожаль отъ вѣтра и казалось, что вотъ-вотъ съ него слетитъ крыша и всѣхъ звѣрей засыплетъ снѣгомъ метель. Въ ночной темнотѣ по прежнему свѣтились одни только глаза тигровъ и слышались жалобные стоны и вздохи обезьянъ.

Слонъ окончилъ свой рассказъ и замолкъ. Верблюды пофыркаль, опустили на колѣни и, вообразивъ себя въ пустынѣ, далеко протянулъ свою шею по полу. Попугай засунулъ голову подъ крыло и вздрагиваль во снѣ.

— Боже мой, какъ холодно! вздохнула вдругъ обезьяна. — Я не могу заснуть, я вся дрожу!.. Хоть-бы поскорѣе умереть!..

И ей въ отвѣтъ откуда-то изъ глубины звѣринца послышался вдругъ хриплый голосъ бѣлаго медвѣдя:

— Жарко, жарко, жарко...

Верблюды подняль голову и понюхаль воздухъ. Клѣтка медвѣдя находилась недалеко отъ него. Онъ боялся медвѣдя, но любопытство превозмогло въ немъ его страхъ и онъ въ удивленіи спросилъ:—

— Тебѣ жарко? Но кто-же ты такой? Кажется, только одинъ ты и не жалуешься на свою судьбу!

Бѣлый медвѣдь печально покачалъ головою.

— Я не жалуясь? отвѣтилъ онъ.— Да мнѣ хуже здѣсь, чѣмъ любому изъ васъ. Ко всѣмъ моимъ страданіямъ здѣсь присоединяется еще и невыносимая жара...

— Изъ какихъ-же ты странъ? спросилъ его верблюдъ.

Бѣлый медвѣдь глубоко вздохнулъ.

— Я родомъ изъ Сѣвернаго Ледовитаго Океана, началъ онъ,— изъ тѣхъ странъ, гдѣ не живетъ ни одинъ человѣкъ, гдѣ вѣчно стоитъ зима, гдѣ по угрюмымъ зеленымъ волнамъ плаваютъ льдины величиною съ шести-этажные дома, гдѣ цѣлые полгода тянется ночь и вслѣдъ за нею наступаетъ громадный полугодовой день. Я изъ тѣхъ вольныхъ, прекрасныхъ, но одинокихъ мѣстъ, гдѣ плаваютъ свободные киты, гдѣ сѣверное сіяніе освѣщаетъ ночныя небеса и гдѣ не знаютъ, что такое огонь и тепло...

— Какъ-же ты сюда попалъ?

Бѣлый медвѣдь опять съ грустью покачалъ головою.

— Если хочешь, то я расскажу тебѣ свою исторію, отвѣтилъ онъ,— но уже ночь, ты, кажется, усталъ и хочешь спать?

— Нѣтъ, отвѣтилъ верблюдъ.—

Теперь ужъ мнѣ не заснуть... Говори, если желаешь!

Бѣлый медвѣдь откашлялся и началъ свой разсказъ:—

— Какъ только дни стали становиться короче, и наступила осень, такъ моя мать тотчасъ-же выкопала въ сугробѣ ямку, влѣзла въ нее и улеглась. Загудѣли вьюги, повалился снѣгъ и мою мать засыпало въ сугробѣ совсѣмъ. Она не двигалась, дремала и по цѣлымъ мѣсяцамъ не выползала на воздухъ и не ѣла и не пила...

— Какъ-же она могла жить? спросилъ верблюдь.

— На ней было накоплено за лѣто столько жиру, что цѣлые полгода она могла вовсе оставаться безъ ѣды. По мѣрѣ того, какъ она голодала, жиръ убавлялся на ней и питалъ ея тѣло и ей казалось, что она была сыта. Въ берлогѣ было уютно и тепло. На цѣлыя сажени вокругъ моей матери лежалъ пластами снѣгъ и не доносилось до нея ни малѣйшаго вѣтерка. Около января у нея родились я и моя сестра. У бѣлыхъ медвѣдей всегда бываетъ только по двое ребятъ. Мы были прелестными медвѣжатами величиной съ кроликовъ. Казалось страннымъ, что у такого громаднаго звѣря, какъ наша мать, которая, ставши на заднія ноги, была вышиною болѣе сажени и вѣсила около 30 пудовъ, и были такіе крошечные дѣтенъши, какъ мы. На насъ

былъ нѣжный, очаровательный пушокъ, мягкій, какъ бархатъ, и мы ходили на шарикѣ. Мы сосали свою мать, до самаго апрѣля и все это время она по прежнему не ѣла ничего. Наконецъ въ апрѣлѣ въ нашей берлогѣ стало какъ-то вдругъ странно: точно сквозь снѣгъ въ нее сталъ проходить откуда-то свѣтъ. Теперь уже мы ясно могли видѣть и нашу мать, и другъ друга. Теперь ужъ мы были величиною не съ кроликовъ, а съ собакъ, и наша мать была такъ худа, что совершенно свободно могла двигаться въ берлогѣ. Весь ея жиръ ушелъ на питаніе ея самой и насъ, мы глядѣли на нее и намъ было странно, что она могла цѣлые полгода пролежать подъ снѣгомъ и ничего не ѣсть.

— Какія невѣроятныя вещи ты разсказываешь! прервалъ бѣлаго медвѣдя верблюдь.—Развѣ можетъ живое существо цѣлые шесть мѣсяцевъ оставаться вовсе безъ пищи?

— Ты не имѣешь понятія о томъ, продолжалъ бѣлый медвѣдь, — сколько медвѣдица запасаетъ себѣ жиру за лѣто. Къ осени она дѣлается отъ него почти такою-же круглою, какъ мячъ. Чтобы набрать такую массу жира, бѣлые медвѣди поневолѣ должны быть прожорливы такъ, какъ никакое другое существо. Они ѣдятъ цѣлый день. Они отлично плаваютъ

и ловятъ себѣ рыбу. Ихъ подкожный жиръ даетъ имъ возможность легко держаться на водѣ, они ныряютъ на громадную глубину и такъ проворны въ водѣ, что ловятъ даже самыхъ шустрѣхъ рыбъ. Когда они попадаютъ на ледяныя глыбы и поля, то такъ-же легко ловятъ полярныхъ птицъ и съѣдаютъ ихъ. Съ необыкновенной легкостью, не смотря на всю свою кажущуюся неуклюжесть, они вскарабкиваются на ледяныя скалы и лакомятся на нихъ птичьими яйцами, которыя воруютъ прямо изъ гнѣздъ. Случается, что во время такихъ походовъ они срываются съ ледяной скалы и стремглавъ падаютъ внизъ. Но это для нихъ вовсе не опасно. Благодаря своему жиру и пушистому длинному мѣху, они скатываются внизъ, какъ кули съ соломой, и послѣ долго мотають головой туда и сюда, точно стараясь показать этимъ, какъ имъ смѣшно. Но буду продолжать о себѣ.

Почувявъ весну, моя мать стала разрывать лапами снѣгъ. Она вонзала свои острые когти въ обледенѣвшую вокругъ насъ массу и было любо глядѣть, какъ во всѣ стороны острыми иглами сыпался ледъ.

— Ты испортишь, мама, себѣ лапы, сказали мы.—Тебѣ послѣ больно будетъ ходить.

Она засмѣялась и протянула къ намъ свои переднія лапы.

— Ничего, отвѣтила она.—Развѣ вы не видите, что у насъ на ладоняхъ шерсть? Всѣ животныя въ мѣрѣ ходятъ босикомъ, одни только мы, бѣлые медвѣди, имѣемъ на ладоняхъ шерсть. Когда мы разламываемъ лапами ледъ, то намъ не больно, а когда бѣгаемъ по льду, то не скользимъ.

И она вновь принялась за дѣло. По мѣрѣ того, какъ она разгребала обледенѣвшій снѣгъ, у насъ въ берлогѣ становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе и до нашего слуха сталъ доноситься какой-то звукъ, похожій на ревъ. Мать отвѣчала на него такимъ же ревомъ.

— Кто это, мама? спросили мы со страхомъ.

— Это вашъ отецъ, отвѣтила намъ мать.—Онъ всю зиму не спалъ и все бродилъ около этого мѣста, ожидая, когда я выведу васъ на божій свѣтъ. Сегодня мы его увидимъ. Бѣдный! Онъ всю зиму скучалъ одинъ! Вѣдь медвѣди-самцы въ берлогахъ не живутъ!

Почувявъ насъ, нашъ отецъ сталъ громко реветъ, ему такимъ-же ревомъ отвѣчала наша мать и мы съ нетерпѣніемъ стали ожидать, когда выйдемъ на воздухъ. Насъ откапывалъ также и нашъ отецъ.

Но вотъ струя свѣжаго воздуха ворвалась къ намъ въ берлогу и въ первый разъ въ жизни мы увидели свѣтъ. Мать вытолкнула

впередъ меня, потомъ мою сестру, потомъ выльзла сама. Не могу выразить тебѣ словами той великолѣпной картины, которая представлялась вдругъ нашимъ глазамъ. На необозримое пространство тянулась ровная снѣжная степь, милліонами блестокъ сверкавшая на яркомъ солнцѣ. На голубомъ небѣ не было ни одного облачка, вдаль, на горизонтѣ ревѣлъ океанъ и по его бурной, бирюзовой поверхности плыли ледяныя горы, бѣлая до того, что на нихъ больно было смотрѣть. Они были разныхъ причудливыхъ формъ: то походили на средневѣковые замки, то на церкви и колокольни, то на громадныя шатры или на головы различныхъ животныхъ.

— Вотъ вашъ отецъ! указала намъ мать.

Мы увидѣли передъ собою громаднаго красиваго бѣлаго медвѣдя. Онъ подошелъ къ намъ, обнюхалъ насъ и нашу мать и вдругъ поднялся на заднія лапы и сталъ отъ радости танцовать. Моя мать тоже поднялась на дыбы, мы, медвѣжата, тоже, — и всѣ четверо мы пустились въ плясъ. Затѣмъ мы стали возиться и играть. Наигравшись досыта, мы пососали материнскаго молока. Отъ усталости мать еле стояла на ногахъ.

— А теперь, пойдемъ на добычу! обратился къ матери отецъ.— Ты голодала цѣлые полгода, тебѣ надо поѣсть.

Мы отправились на берегъ океана и здѣсь, на нашихъ глазахъ, мать бросилась въ воду, долго въ ней плавала и ныряла, ловила рыбу и ѣла. Ея примѣру послѣдовалъ отецъ и когда оба они насытились и выльзли потомъ на берегъ, то имъ было такъ весело, что они стали бороться. Мы стояли въ сторонкѣ и глядѣли на это интересное зрѣлище, когда два громадныхъ медвѣдя, отъ удовольствія, что они были сыты, обхватили другъ друга своими косматыми лапами и старались осилить одинъ другого. Затѣмъ оба они растянулись на льдинѣ у самой воды и стали отдыхать. Я и сестра влѣзли къ матери на спину и задремали. Было морозно, но для насъ это — пустяки и мы сладко спали у матери на спинѣ. Свѣтило радостное солнце, шумѣлъ безбрежный океанъ и на нѣсколько сотенъ верстъ не было ни единой души, которая потревожила-бы нашъ покой.

Съ этой минуты потянулись для насъ блаженные дни. Мы переходили съ мѣста на мѣсто, мать учила насъ плавать и нырять, показывала намъ, какъ надо вскарабкаться на льдины, и мы рѣзвились на снѣжной поверхности плавающихъ льдовъ и наслаждались жизнью. Наѣвшись, мы по обыкновенію играли и боролись, а когда уставали, то отдыхали на спинѣ у матери. Когда я или сестра

захотѣли вдругъ подурить и не слушались своей матери, то она въ наказаніе толкала насъ въ бокъ носомъ такъ, что мы падали и, какъ шарики, катились отъ нея прочь. Вообще мы были веселаго нрава и жили интересами только одной своей семьи.

Однажды отецъ остановился и сталъ нюхать воздухъ.

— Я чую! сказалъ онъ.

— Что ты чуешь? спросила его мать.

— За нѣсколько верстъ отсюда, къ востоку, гдѣ-то валяетсядохлый китъ. Пойдемте его ѣсть.

— Пойдемте!

И мы всѣ четверо отправились туда, откуда доносился до отца запахъ кита. Это было гдѣ-то далеко, гдѣ мы, малыши, еще не бывали ни разу, и намъ предстоялъ длинный путь. Мы шли черезъ ледяныя поля, переплывали черезъ полыньи, вскарабкивались на горы и скатывались съ нихъ, какъ шары. Мы шли почти цѣлый день и если-бы не чуяли запаха кита и сами, то не повѣрили-бы отцу: такъ далеко китъ находился отъ нашихъ мѣстъ. Но чутье не могло обмануть насъ; бѣлые медвѣди чуютъ малѣйшій запахъ за нѣсколько верстъ и потому мы смѣло подвигались впередъ. Наконецъ послѣ нѣсколькихъ часовъ пути мой отецъ взглянулъ въ даль своими зоркими безъ рѣсницъ глазами и сказалъ:—

— Ого! Около кита собралось уже двѣнадцать другихъ медвѣдей! Какъ-бы они не обидѣли васъ! Оставайтесь вы здѣсь и подождите меня! Я вернусь къ вамъ черезъ два часа и принесу вамъ поѣсть.

Мы остались, а онъ отправился впередъ одинъ. Мы видѣли, какъ важно онъ шествовалъ къ киту, какъ принялся потомъ за обѣдъ и какъ, наѣвшись, сталъ играть и бороться съ остальными медвѣдями.

Къ вечеру онъ вернулся къ намъ, положилъ передъ нами громаднѣйшій кусокъ китовины, поигралъ съ нами и снова отправился туда-же.

— Куда ты? спросила его мать.

— Прощайте! отвѣтилъ онъ.—

Больше ужъ мы не увидимся съ вами никогда! Я сдѣлалъ для васъ все, что могъ, вы, дѣти, уже сами умѣете плавать и добывать себѣ пищу и больше я вамъ уже не нуженъ. Я присоединюсь сейчасъ къ этимъ двѣнадцати самцамъ-медвѣдямъ, которые собрались около дохлаго кита, и мы будемъ теперь бродить цѣлой стаей и заботиться только о самихъ себѣ.

Онъ простился съ нами и ушелъ и мы остались одни. Черезъ необозримыя снѣжныя пространства мы отправились обратно къ своимъ мѣстамъ. Мы шли и шли и намъ было все равно, куда ни идти, потому что всюду для насъ былъ домъ и мы не желали больше того, что посылалъ намъ Господь. Мы ловили рыбу, ѣли яйца полярныхъ

птицъ, если они попадались намъ на пути, а когда нечего было поѣсть, то мы довольствовались лишаями и мхомъ. Однажды мы выбрались на какой-то островокъ, обнажившійся отъ льда, и на немъ увидели какія-то кисленькія ягодки. Онѣ только что поспѣли, не смотря на всю краткость нашего сѣвернаго лѣта, въ которое не успѣваютъ растаять даже снѣга.

— Ъшьте! Ъшьте! сказала намъ мать.—Это поленика! Ея ягоды очень вкусны.

Мы принялись за ягоды и скоро на всемъ островкѣ не осталось ни одной.

Съ августа уже задули сѣверовосточные вѣтры, сталъ хлопьями валиться снѣгъ, а въ сентябрѣ начались уже такіе трескучіе морозы, что наша мать стала опасаться за наше здоровье и въ сильныя метели стала зарывать насъ на всю ночь въ глубокій снѣгъ. Мы лежали въ снѣгу, поверхъ его на насъ ложилась наша мать и намъ было тепло такъ, какъ въ той берлогѣ, въ которой мы родились. Когда наступалъ часъ ѣды, то мать откапывала насъ и мы отправлялись на добычу.

Однажды мы шли такъ къ океану, чтобы наловить себѣ рыбы, какъ вдругъ наша мать остановилась и оглядѣлась вокругъ.

— У насъ будетъ сейчасъ прекрасная добыча!—сказала она.—Слѣдуйте за мной!

Мы отправились за ней и вскорѣ увидели передъ собою паруходъ. Онъ замерзъ во льдахъ, весь обледенѣлъ и было жалко на него смотрѣть. Изъ его трубы уже не курился дымъ и всѣ снасти на немъ повисли отъ тяжести сосулекъ.

— Что это?—спросили мы въ удивленіи.

— Это—паруходъ, отвѣтила намъ мать.—На немъ пріѣхалъ сюда человекъ. Безумецъ, онъ хотѣлъ добраться до Сѣвернаго полюса и вотъ застрялъ здѣсь во льдахъ! Точно онъ не понимаетъ, что въ этихъ краяхъ можемъ жить только одни мы!

Около парухода были сложены ящики съ ѣдой и стояли наготовѣ сани. Очевидно, человекъ собирался бросить свой паруходъ на произволь судьбы и уѣхать отсюда домой уже на саняхъ. Въ самомъ паруходѣ слышны были человекъчи голоса и вой какихъ-то звѣрей.

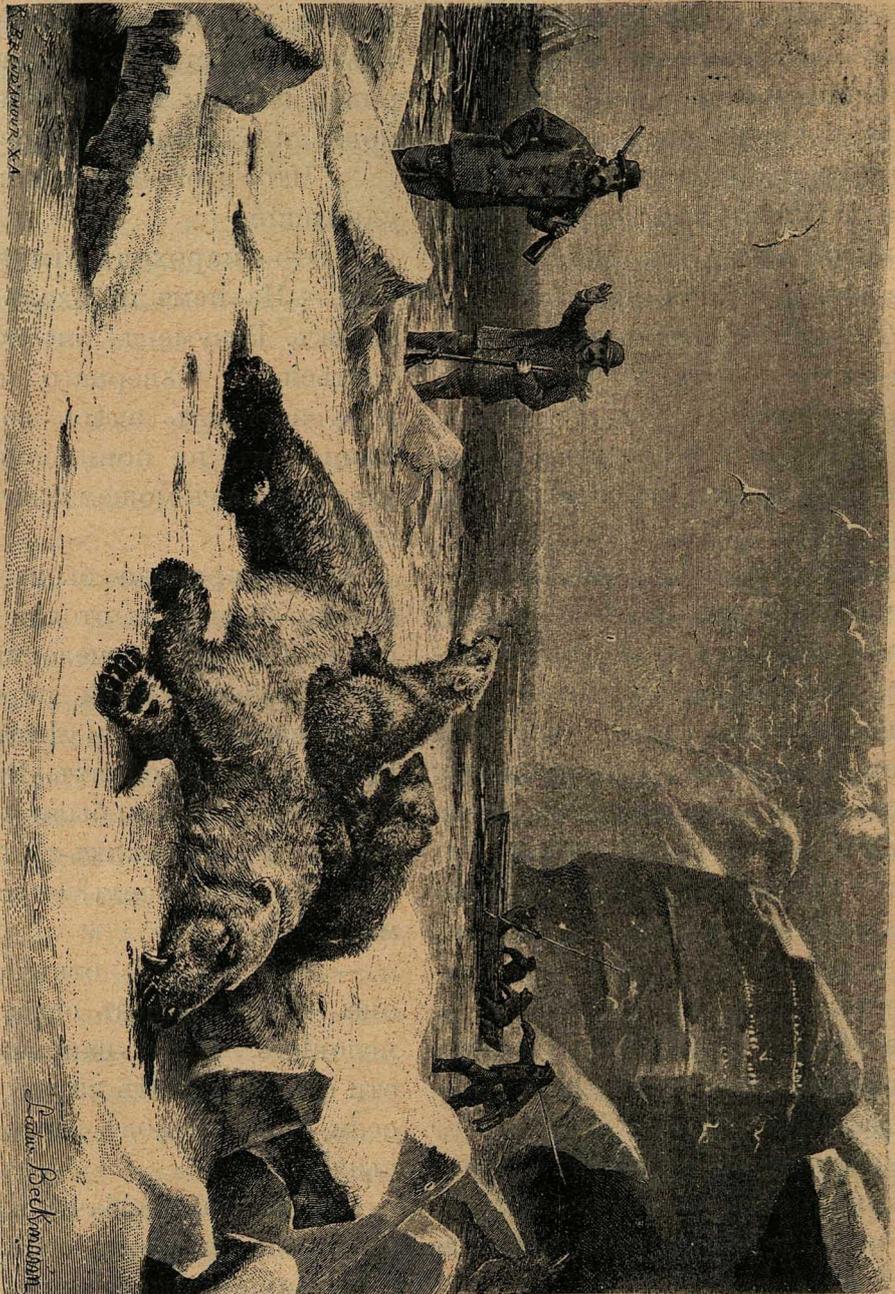
— Кто это воетъ? спросили мы мать.

— Это собаки, отвѣчала намъ она.—Ихъ привезъ сюда съ собою человекъ, чтобы запретъ ихъ въ эти сани и уѣхать на нихъ отсюда, если его паруходъ застрянетъ во льду.

Мы слышали собачій вой и намъ стало вдругъ не по себѣ.

— Мама, намъ страшно! сказали мы.—Мы боимся собакъ!

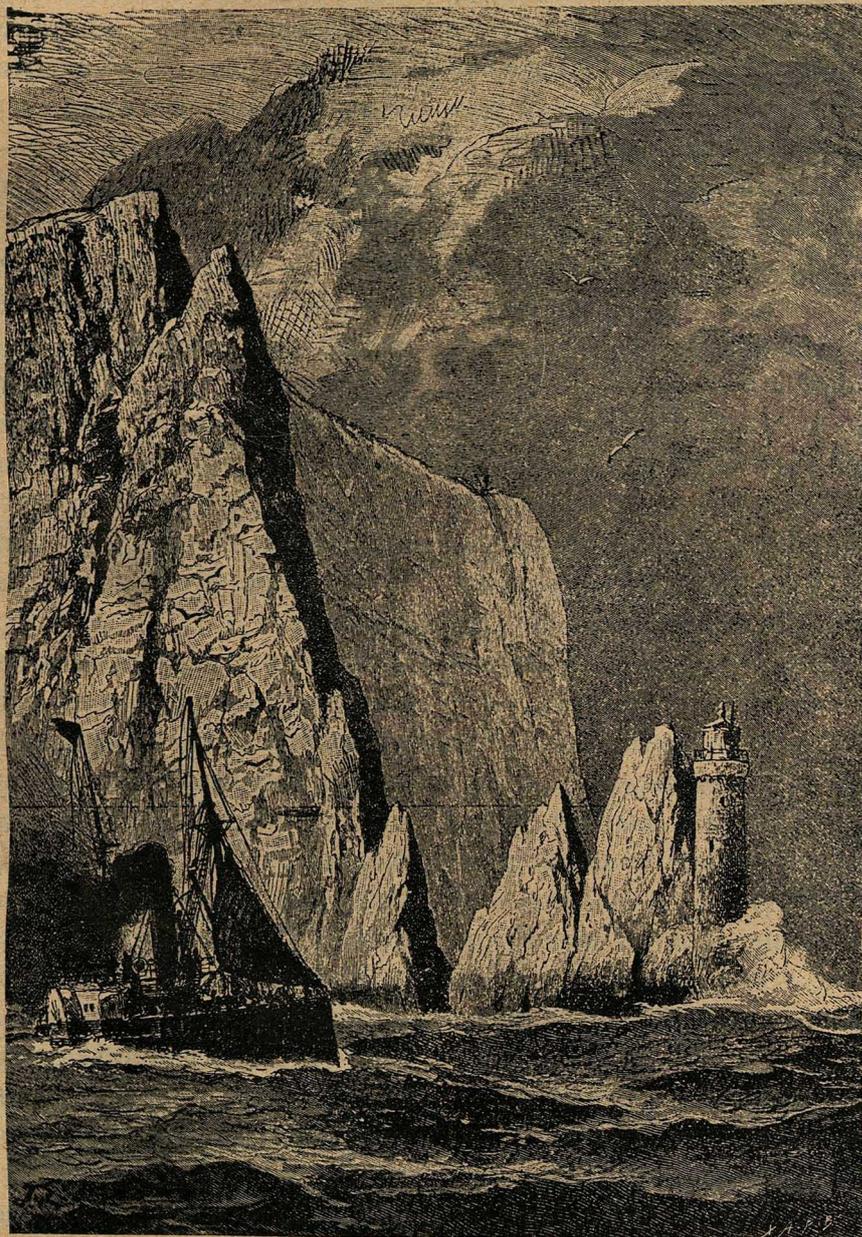
Мать остановилась, и стала соображать.

Она задрожала, выткнувшись во всю свою длину, глаза ее закатились и она перестала дышать (стр. 299).

Э. С. Ходяков ХА

Л. С. В. Р. К. М. В. М.

У береговъ Англіи.

— Боюсь собакъ и я сама, отвѣтила она.—Боялся ихъ и вашъ отецъ. Это—единственное животное, котораго боится бѣлый медвѣдь. Но, быть можетъ, онѣ не замѣтятъ насъ и мы успѣемъ разломать хотя-бы одинъ только ящикъ и стащить изъ него ветчину. Вы не знаете, какъ она вкусна!

Она подошла къ заготовленному человѣкомъ грузу, обнюхала его со всѣхъ сторонъ и брезгливо замотала головой.

— Я ошиблась, сказала она.— Это не ветчина!.. Въ этихъ ящикахъ запасено наше-же, медвѣжье, мясо... Человѣкъ сѣззалъ съ него сало, которое противно на вкусъ, и оставилъ одно только мясо, которое для него такъ-же вкусно, какъ и свиная ветчина. Пойдемте скорѣе назадъ!

— Такъ ты покорми насъ медвѣжиной! сказали мы.

— Что вы? Что вы? отвѣтила намъ мать.—Развѣ медвѣди медвѣжину ѣдятъ!

И она толкнула насъ своею мордой, давая этимъ знать, чтобы мы какъ можно скорѣе бѣжали впередъ.

Въ эту минуту на бортѣ парохода показался вдругъ человѣкъ. Увидѣвъ насъ, онъ бросился къ двери и закричалъ другимъ:

— Скорѣе! Скорѣе! Къ намъ подошли медвѣди! Давайте въ нихъ стрѣлять!

Мы испугались такъ, какъ еще никогда не пугались въ своей жизни.

Мы никогда не трогаемъ человѣка первые и всегда тотчасъ-же бросаемся отъ него убѣгать. Такъ было и теперь: мы бѣжали отъ людей, насколько у насъ хватало силъ, а оба человѣка съ ружьями въ рукахъ, слѣдовали за нами и мы увидѣли, что люди бѣгаютъ скорѣе, чѣмъ бѣлые медвѣди. Чтобы ускорить наше бѣгство, мать хватала въ зубы то мою сестру, то меня, и такъ и бѣжала далѣе съ дѣтнышемъ въ зубахъ; а то она сажала мою сестру къ себѣ на спину, а меня брала въ зубы и такъ и несла на себѣ насъ обоихъ. Мы сознавали, что наше положеніе было опасно, и въ ужасѣ теряли голову и не знали, что дѣлать и что предпринять.

Вдругъ выстрѣлъ! Моя сестренка, сидѣвшая у матери на спинѣ, застонала и свалилась на снѣгъ; алая лужица крови образовалась вокругъ нея и запачкала ей бѣлоснѣжную шерсть.

— Ой, лапку! Лапку! закричала она.—Мнѣ больно лапку!

Мать бросилась къ ней и стала слизывать у нея съ раны кровь.

— Что ты дѣлаешь? воскликнулъ я.—Бѣжимъ скорѣе! Развѣ ты не видишь, что человѣкъ уже близко?

Мать печально покачала головой.

— Теперь ужъ все кончено!.. сказала она.—Твоя сестра ранена и теперь мы ужъ погибнемъ всѣ. Медвѣдица никогда не бросаетъ своихъ медвѣжатъ. Если погибаютъ

они, то вмѣстѣ съ ними погибаетъ и она.

Моя сестра дрожала и корчилась отъ боли. Бѣдняжка, сколько страданія было у нея въ глазахъ! За что, за что ее подстрѣлили человѣкъ? Я глядѣлъ на нее, ужасъ овладѣлъ всѣмъ моимъ существомъ, но жалость наполнила мое сердце и мнѣ хотѣлось броситься къ ней, схватить ее и понести ее на себѣ.

Мать подошла къ ней и ласково и осторожно толкнула ее мордой въ бокъ.

— Бодрись! сказала она ей. — Дай, я возьму тебя въ зубы и понесу!

Но въ это время раздался второй выстрѣлъ и пуля угодила моей матери въ животъ. Она заревѣла отъ боли, встала на дыбы и глаза ея засвѣтились ненавистью и враждою.

— Не подходи! закричала она человѣку. — Я не отдамъ дешево свою жизнь!

Но онъ не понялъ ея медвѣжьяго языка и бросился къ ней. Она выждала, когда онъ подошелъ къ ней поближе и, оставивъ насъ однихъ, вступила съ нимъ въ борьбу. Она повалила его на снѣгъ, подмяла его подъ себя, схватила зубами его ружье и изгрызла его съ рычаніемъ на части. Но въ это время подбѣжалъ его товарищъ, раздались два выстрѣла подрядъ и моя мать закачалась и повалилась на снѣгъ. Затѣмъ она поднялась и, обливаясь кровью, пе-

чально побрела къ намъ. Дойдя до насъ, она легла на лѣвый бокъ. Подмятый ею человѣкъ вскочилъ на ноги, взялъ отъ своего товарища запасное ружье и побѣжалъ за нею.

— Все кончено!.. простонала наша мать. — Прощайте, мои милыя дѣтки!.. Теперь мы съ вами ужъ не увидимся больше никогда!

— Мама, мама! закричали мы оба и залились слезами.

Она задрожала, вытянулась во всю свою длину, глаза ея закатились и она перестала дышать. Съ неописуемымъ ужасомъ я и моя бѣдная, раненая сестра вскочили на ея охладѣвшій трупъ и стали ожидать своего конца.

Къ намъ приблизился человѣкъ.

— Джемсъ! крикнулъ онъ своему товарищу. — Медвѣдица убита вами, а потому вамъ и принадлежитъ ея мѣхъ. Ея мясомъ накормите собакъ. Ея окороки прикажите посолить и оставьте намъ въ дорогу. Наблюдайте затѣмъ, чтобы ея печени не наѣлись собаки, а то передохнуть: медвѣжья печень ядовита для собакъ и для людей.

Мы съ ужасомъ ожидали своей судьбы.

— Этого раненаго медвѣженка, продолжалъ человѣкъ, надо заколоть и тоже бросить собакамъ на кормъ...

— А что дѣлать съ живымъ? спросилъ его Джемсъ.

Человѣкъ подумалъ.

— Возьмемъ его къ себѣ! от-

вѣтилъ онъ. — Маленькіе медвѣжата бываютъ очень забавны и веселы!

Джемсъ подошелъ ко мнѣ и сунулъ меня къ себѣ въ мѣшокъ. И я радъ былъ, что не видѣлъ, какъ погибала подъ ножомъ моя сестра.

Меня принесли на пароходъ и привязали на палубѣ на цѣпь. Я сидѣлъ, со страхомъ прислушивался къ вою собакъ, запертыхъ гдѣ-то внизу, и тосковалъ по своимъ матери и сестрѣ. Мнѣ приносили ѣсть и пить, я ѣлъ и пилъ, но все было не мило для меня, и мнѣ хотѣлось опять на раздолье ледяныхъ полей и къ ласкѣ матери, съ которой такъ неожиданно разлучила меня судьба.

Затѣмъ изъ парохода вышли люди, вывели собакъ, которыя были такъ, что у меня отъ страха приподнималась на спинѣ шерсть, запрягли ихъ въ сани, уложили на нихъ ящики, усѣлись сами, усадили на нихъ меня и помчались куда-то на югъ.

— Прощай „Жаннета“! обратились они къ пароходу и слезы показались у нихъ на глазахъ.— Прощай навѣкъ!

Они сняли шапки, помахали ими въ воздухъ и скоро мимо насъ потянулись ледяныя поля, горы, сбоку насъ шумѣлъ океанъ, затѣмъ снова начинались горы и поля и черезъ четыре недѣли пути мы стали встрѣчать первыя человѣческія жи-

лица. Они были выстроены изъ ледяныхъ глыбъ и жившіе въ нихъ люди были одѣты въ наші медвѣжьи мѣха. А потомъ мы снова оказались на пароходѣ и плыли уже по океану, на которомъ уже не видно было льда. И чѣмъ дальше мы продолжали нашъ путь, тѣмъ становилось все теплѣе и теплѣе, мнѣ нечѣмъ было дышать, я изнемогалъ отъ жары и съ тѣхъ поръ уже не знаю больше, что такое пріятный холодокъ нашихъ полярныхъ сѣверныхъ странъ.

Нужно ли говорить, что было потомъ? Меня привезли въ Европу и продали въ звѣринецъ. Я выросъ, сталъ для человѣка опасенъ и меня посадили въ тѣсную клѣтку и съ тѣхъ поръ я уже больше не знаю свободы, не вижу яснаго неба, ни моря, ни льда, и только изнываю здѣсь отъ жары и стоя на одномъ мѣстѣ, по цѣлымъ часамъ качаю тѣломъ и головой, какъ часовой маятникъ, и не знаю, куда дѣваться отъ духоты. За отсутствіемъ рыбы меня кормятъ одной только дохлой кониной, отъ которой меня тошнить, и вмѣсто прозрачнаго океана, который такъ для меня необходимъ, ко мнѣ въ клѣтку поставили бочку жалкой, мутной, грязной, прѣсной воды! И я сижу здѣсь, я страдаю и всякій разъ задаю себѣ мучительный вопросъ, на который никакъ не могу себѣ отвѣтить: Зачѣмъ насъ здѣсь томятъ, зачѣмъ людямъ понадоби-

лись наши страданія и неужели вопросъ и только глубоко вздох-
имъ насъ не жаль? нуль.

Бѣлый медвѣдь смолкъ. Верблюды Попрежнему капляла обезьяна
не отвѣтилъ на поставленный имъ и разговаривалъ во снѣ попугай.

С. Вершининъ.

РАННЯЯ ВЕСНА.

Идетъ снѣжокъ, но что за дѣло? Валится снѣгъ и тутъ-же таетъ...
Теперь не страшны намъ снѣга; О, тай, снѣжокъ, пришла пора!
Грачей ужъ стая прилетѣла Скворецъ давно ужъ распѣваетъ,
И подъ водой стоятъ луга. Трещить на всѣ лады съ утра.

Ручьи стремятся по канавкамъ,
Теперь ужъ скоро ледоходъ...
Привѣтъ теплу, цвѣтамъ, козявкамъ!
Весна идетъ, весна идетъ!

Ирисъ.

ЦЫГАНОЧКА.

Три часа пополудни. Прохожіе тоскливая тишина зимняго вечера
все рѣже попадаютъ на большой охватывала природу.
дорогѣ.

Уже съ утра было видно, что Костлявая кляча шагомъ тащила
пойдетъ снѣгъ. Мрачныя, сѣрыя ободранный, жалкій фургонъ, въ
тучи заволокли все небо и такъ которомъ цыгане возятъ обыкно-
низко повисли, что, казалось за- венно свои пожитки. За ней едва
дѣвали за верхушки деревьевъ. плелись четверо усталыхъ людей.
Густой туманъ мѣшалъ различать Хозяинъ фургона, его сынъ и дочь,
окружающее, а рѣзкій, леденяцій а позади всѣхъ тщедушная, худень-
вѣтеръ не въ силахъ былъ разо- кая дѣвочка. Черезъ одно плечо
гнать его. Жалкіе, сѣренькіе су- у нея висѣла скрипка, а на дру-
мерки декабрьскаго дня постепенно гомъ сидѣла неуклюжая, безобраз-
переходили въ безпросвѣтную тьму, ная ворона.
Верстахъ въ четырехъ отъ города

цыгане остановились, чтобы отдохнуть. Одинъ изъ нихъ занялся лошадыю, другой взялъ большой, глиняный кувшинъ и пошелъ въ близъ лежавшую деревушку за водой. Молодая цыганка достала изъ фургона чугунный котелокъ, укрѣпила его надъ костромъ, и стала чистить картошку и рѣзать капусту. Лида — такъ звали дѣвочку — стала собирать хворостъ и валежникъ, чтобы поддерживать въ кострѣ огонь. Полчаса спустя, похлебка уже кипѣла въ чугунѣ, распространяя соблазнительный запахъ варившихся въ немъ сала и капусты. Голодные цыгане жадно слѣдили за приготовлениями къ ужину. Лида недовѣрчиво и безпокойно прикурнула въ сторонкѣ, положила скрипку около себя, а ворону пріютила у себя на колѣняхъ. Ворона — хромая, крылья у нея грязныя и подрѣзанныя, она неловко подпрыгиваетъ и переваливается при помощи деревянной лапки, которую ей устроила дѣвочка. Къ остатку сломанной лапки она привязала кусочекъ сухой вѣточки. Потихоньку, бочкомъ, несмотря на страхъ, голодная ворона Чернушка приблизилась къ костру и вдругъ дерзко схватила кусокъ хлѣба изъ суповой чашки и побѣжала назадъ прятаться въ юбку Лиды. Это незначительное происшествіе обрушило на Лиду цѣлую бурю гнѣва и упрековъ. Хозяинъ грозно поздравлялъ ее къ себѣ. Дѣвочка съе-

жилась еще больше и закрыла лицо руками.

— Подойдешь ли ты, негодный сверчокъ? закричалъ онъ, дѣлая видъ, что встаетъ.

Она подошла, опустила голову и по привычкѣ заслонила лицо отъ удара. Хозяинъ схватилъ ее за руку.

— А, ты не хочешь подойти?!

Онъ два раза ударилъ бѣдняжку вѣткой по лицу. Кровавая полоса прорѣзала щеку и губы ребенка.

— Теперь ты у меня запляшешь! закричалъ взбѣшенный хозяинъ, замахаясь вѣткой.

Лида съ дикимъ воплемъ вырвалась изъ его рукъ и кинулась въ кусты черезъ дорогу. Тогда цыгане рѣшили избавиться совсѣмъ отъ негодной упрямыцы, которую даже побои не могли заставить дѣлать что нибудь и зарабатывать хотя бы ту жалкую похлебку, которую ей давали два раза въ день. Довольно уже съ ней возились, пусть идетъ, куда хочетъ, и дѣлаетъ, что хочетъ!

Лидѣ было не болѣе восьми лѣтъ. Цыгане подобрали ее однажды гдѣ-то на соломѣ въ сараѣ, больную отъ усталости и голода.

Кто-то бросилъ ее тамъ на произволь судьбы. Съ тѣхъ поръ прошло уже два года. Ни она, ни кто другой не знали, гдѣ и когда она родилась. Съ самаго ранняго дѣтства она бродила по большимъ дорогамъ, играя на скрипкѣ. Она не училась ни у кого, но ее можно

было слушать съ наслажденіемъ. Въ томъ сараѣ, гдѣ она была брошена, пріютилась также и искалѣченная ворона. Лида пожалѣла ее; она устроила ей изъ палочки что то въ родѣ лапки, и ворона привязалась къ маленькой бродяжкѣ всѣмъ своимъ птичьимъ обиженнымъ сердцемъ. Такъ и завязалась ихъ дружба. Цѣлую недѣлю Лида оставалась въ сараѣ, лежа на соломѣ. Однажды мимо проходили цыгане, ее теперешніе хозяева, и взяли ее съ собой. Лида покорно послѣдовала за ними. Не все ли ей было равно, куда идти? Ей позволили захватить съ собой и Чернушку.

Вначалѣ терпѣливо, потомъ съ помощью кулаковъ она должна была разучивать на скрипкѣ разныя веселыя пѣсни, которые поютъ по всѣмъ деревнямъ. Но онѣ ее не веселили и она не любила ихъ играть, предпочитая жалобныя, серьезные мотивы. Придя въ какую нибудь деревню, цыгане показывали фокусы, продѣлывали акробатическія упражненія, но это было только между прочимъ. Самымъ интереснымъ въ представленіи должна была быть крошкаскрипачка, которую расхваливали на всѣ лады передъ началомъ представленія, называя ее чудо-ребенкомъ, играющимъ въ совершенствѣ всѣ самыя веселыя и смѣшныя пѣсни. При этомъ рассчитывали, что это-то главнымъ образомъ и

заставить слушателей раскошиться. Но она отказывалась играть и между цыганами сталъ заходить уже разговоръ о томъ, чтобы бросить Лиду опять на произволь судьбы. Каждый разъ за нее вступалась молодая цыганка, которая теперь молча варила обѣдъ.

Но на этотъ разъ жестокость хозяина превзошла ожиданіе Лиды. Ее подобрали, какъ заброшенную собаку, за то и бросятъ-же ее теперь одну въ лѣсу! Но что-же дѣлать, если она не могла играть того, что ее заставляли цыгане!

Послѣ двухчасоваго кипѣнія похлебка была готова. Быстро собрали посуду. Женщина налила въ чашки похлебки съ капустой и дала хлѣба; всѣ трое жадно и торопливо стали ѣсть. Когда-же голодь былъ нѣсколько утолень, молодая цыганка отлила въ свою чашку остатки похлебки, отрѣзала ломоть хлѣба и поставила все это въ сторону около себя.

— Это еще для кого? спросилъ хозяинъ.

Молодая женщина молчала.

— Для дѣвченки что ли?..

Тупо усмѣхнувшись, онъ протянулъ руку къ чашкѣ цыганки и спокойно опрокинулъ ее на землю.

— Вотъ такъ! сказалъ онъ.—Теперь, въ дорогу!

Убрали посуду, запрягли лошадь и фургонъ тронулся въ путь. Молодая женщина продолжала молчать, но стоя у дверей

Украденное дитя.

Въ весенній разливъ.

фургона, безпокойно искала глазами Лиду. Какъ только фургонъ тронулся, Лида съ отчаяніемъ тоже поплелась вслѣдъ за нимъ. Но сильный ударъ заставилъ лошадь пуститься крупной рысью. Лида бѣжала за фургономъ изъ всѣхъ силъ, не переставая плакать и кричать. Задыхаясь отъ усталости, она наконецъ остановилась посреди темной дороги, прижавъ свою скрипку къ груди и не вѣря своимъ глазамъ. А тѣмъ временемъ фургонъ уже скрылся вдаль и только чуть-чуть доносился отъ него звонъ бубенчиковъ, а потомъ стихъ и онъ. Лида осталась одна среди пустынной большой дороги. Наступилъ вечеръ; ледяной вѣтеръ усилился еще болѣе и немилосердно хлесталъ ее, она не различала ничего кругомъ себя, чувствовала только, что удаляющійся фургонъ уносить съ собой часть ея жизни, и что она опять совсѣмъ одна на всемъ бѣломъ свѣтѣ. Кромѣ Чернушки и скрипки у нея уже нѣтъ ни одной близкой души, ни одного близкаго предмета. Ея сердце мучительно сжалось и судорожныя рыданія потрясли ея измученное и иззябшее дѣтское тѣло.

Время шло, Лида чувствовала теперь совсѣмъ ясно, что она одинока посреди темной пустынной дороги. Необходимо было что нибудь предпринять и прежде всего рѣшить: гдѣ провести ночь? Не вернуться-ли туда, гдѣ только пол-

часа тому назадъ отдыхали и варили похлебку? Она завернула Чернушку въ подолъ юбки и вернулась къ костру. Онъ еще тлѣлъ. Лида подбросила въ него хворосту и присѣла у него, чтобы согрѣть продрогшее тѣло. Привыкшая ко всевозможнымъ лишеніямъ, она почувствовала почти наслажденіе, согрѣваясь у костра, еслибы не жестокий голодь, который сталъ ее мучить. Что было дѣлать? Она заплакала. Правда, жизнь въ фургонѣ была тяжкая, но тамъ даже въ тѣ дни, когда денегъ было собрано мало, ей все-таки передъ сномъ давали немножко похлебки и хлѣба. Часто грубый, взбѣшенный хозяинъ грозилъ бросить ее на произволъ судьбы одну на дорогѣ, но она почему-то не вѣрила ему. Неужели ее дѣйствительно теперь бросили въ незнакомомъ мѣстѣ, безъ денегъ, безъ корки хлѣба въ эту печальную, холодную ночь? Эта мысль леденила ей кровь. Она упала головою въ колѣни и рыдала неудержимо, до тѣхъ поръ пока Чернушка не стала что-то весело въ травѣ клевать.

Ей удалось найти тѣ самые остатки ѣды, которые предназначались для Лиды, но которые цыганъ вылилъ на землю. Теперь на ней валялись порядочная куча капусты, кусочекъ сала и разбухшій, намокшій кусокъ хлѣба.

Увидавъ эту находку, Лида почувствовала себя почти счастли-

вой. Она подобрала сало и капусту, съѣла ихъ, а хлѣбъ оставила Чернушкѣ, и вернулась опять къ огню. Согрѣвшись и слегка утоливъ свой голодь, она забыла свое горе, свернулась калачикомъ у теплыхъ угольевъ костра, завернула голову и плечи платкомъ, покрыла скрипку подоломъ, прижала Чернушку къ груди, и обѣ задремали, согрѣвая другъ дружку. А тѣмъ временемъ вѣтеръ все усиливался, пошелъ снѣгъ и затѣмъ началась сильная метель.

Направо отъ большой дороги, не болѣе четверти версты отъ того мѣста, гдѣ заснула Лида, было имѣніе Покровское. Красивый, старинный барскій домъ возвышался посреди громаднаго луга, окаймленнаго густымъ кустарникомъ. Къ лугу съ дороги шла красивая тополевая аллея. Въ Покровскомъ весь день царил суматоха. Сегодня Сашѣ исполнилось девять лѣтъ. Сашина мать давно уже умерла, а отецъ былъ капитаномъ большого корабля и находился въ плаваніи, въ далекихъ восточныхъ моряхъ. Саша оставался на попеченіи у бабушки, чрезвычайно доброй и нѣжной, которая берегла и баловала его, какъ только могла. У Саши въ Покровскомъ было два друга: черный кудрявый пудель Неро, и Егорушка, сынъ стараго повара Ѳедотыча. Несмотря на потасовки, которые они иногда задавали

другъ другу, оба они были неразлучными друзьями. Въ этотъ день для Саши приготовленъ былъ подарокъ—живая лошадь Васька, которая стояла еще со вчерашняго дня въ конюшнѣ. Папа прислалъ изъ своего далека бабушкѣ письмо, чтобы ему подарили въ день рожденія именно живую лошадь. Бабушка исполнила это, но, какъ на грѣхъ, захворала еще съ вечера, не могла выйти изъ своей комнаты, и для того, чтобы Сашѣ не было скучно, позволила ему пригласить Егорушку на цѣлый день и заказать кухаркѣ Аграфенѣ яблочный пирогъ и шоколадный кремъ. До обѣда Саша и Егорушка играли оловянными солдатиками, смотрѣли картинки, разъ двадцать бѣгали къ Васькѣ, но, все же время тянулось для нихъ нестерпимо долго. Егорушка чуть не каждую минуту освѣдомлялся, не пора ли обѣдать, но обѣдъ все никакъ не могъ поспѣть и приходилось по неволѣ ждать. Вдругъ Неро, растянувшійся во всю длину у камина, сталъ беспокоиться. Онъ, навостривъ уши, кинулся къ окну прижалъ морду къ стеклу, сталъ царапаться, точно хотѣлъ выскочить въ садъ, и вдругъ отрывисто залаялъ.

— Посмотри-ка, обратился къ Егорушкѣ Саша, — Неро точно что-то зачуялъ! Должно быть тамъ кошка зашла въ кусты!

— Ты думаешь? отвѣтилъ Егорушка, со страхомъ заглянувъ въ

темное окно. — А вдругъ это воры пришли въ конюшню, чтобы украсть твоего Ваську?

— Воры! Ну наврядъ ли; Неро вѣдь часто зря лаетъ.

Егорушка снялъ со стѣны игрушечное ружье, стрѣлявшее пробками, и вдругъ храбро предложилъ Сашѣ посмотреть, что дѣлается въ саду. Саша взялъ игрушечную саблю и оба отправились въ походъ. Какъ только они отворили дверь, такъ Неро стремглавъ бросился въ садъ, а не въ конюшню. Стало быть, Васька былъ въ безопасности. Неро продолжалъ лаять, а затѣмъ, кто то вдругъ испуганно сталъ кричать, и раздалось хриплое, сердитое карканье, точно кто то душилъ какую то птицу.

На снѣжной бѣлизнѣ, сквозь обнаженные вѣтви кустовъ, несмотря на темноту, мальчики ясно различили маленькую фигурку дѣвочки, за которой мчался съ лаемъ Неро. Саша обнажилъ свою саблю, сердце его отъ страха стучало. Егорушка бросился вслѣдъ за дѣвочкой и нагналъ ее. Неро схватилъ ее за юбку и сталъ ее немилосердно трепать.

— Ага! Попалась! закричалъ Егорушка. — Ахъ ты, воровка! Вотъ погоди, задастъ тебѣ мой отецъ!

И онъ изо всѣхъ силъ потащилъ дѣвочку къ дому.

— Оставьте меня, застонала дѣ-

вочка. — Я вовсе не воровка, я ничего у васъ не взяла!

— Что-же ты прячешь въ подолѣ? Небось стащила у насъ курицу?

— Неправда, залепетала дѣвочка, — никакой курицы у меня нѣтъ, это моя собственная птица! Она залетѣла сюда и я только хотѣла ее взять отсюда и унести. Ничего дурного я не сдѣлала, а вапа злая собака на нее накинулась и загрызла ее.

И она развернула подолъ и показала имъ несчастную Чернушку, которая жалобно стонала и конвульсивно вздрагивала всѣмъ тѣломъ. Смущенные мальчикм переглянулись. Затѣмъ Саша схватилъ за ошейникъ злобно ворчавшаго Неро. Лида, не обращая на нихъ больше никакого вниманія, прижала къ щекѣ бѣдную ворону и медленно пошла прочь. Саша пристально глядѣлъ ей вслѣдъ, пока она не дошла наконецъ до тополевой аллеи, а потомъ и скрылась въ снѣжной дали. Вернувшись, они ни слова не сказали никому о своемъ приключеніи. Однако, на душѣ у Саши было какъ то странно, не по себѣ. Съли обѣдать, обѣдали скучно и, дождавъ цыпленка, Саша наконецъ не выдержалъ и сказалъ:

— Знаешь ты эту маленькую нищенку?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Егорушка, должно быть это цыганка. Я ка-

жестя встрѣтилъ ее днемъ на дорогѣ. Она шла съ другими за фургономъ мимо нашей усадьбы. Цыгане—плохой народъ.

— Должно быть ей очень жаль свою ворону...

Егорушка безпечно пожалъ плечами.

— А мнѣ плевать! отвѣтилъ онъ.

Саха не успѣлъ разглядѣть въ лицо маленькую цыганочку, но онъ помнилъ, какъ нѣжно и грустно она прижала къ своему лицу загрызенную птицу и какъ дрожалъ ея жалобный голосокъ, и почему то былъ увѣренъ, что она была вовсе не воронка. Какое то несвойственное его возрасту чувство удержало его и онъ не сталъ возражать Егорушкѣ. Сердце его больно сжималось, когда онъ воображалъ, какъ она медленно удалялась по тополевой аллеѣ. Но ему было стыдно сказать объ этомъ своему другу и онъ уже молча сталъ доѣдать свой обѣдъ.

Но вотъ обѣдъ наконецъ конченъ, мальчики поиграли еще до восьми часовъ и затѣмъ разошлись. Егорушка ушелъ къ себѣ въ людскую, а Саха пошелъ къ бабушкѣ проститься, чтобы идти уже спать. Бабушка прочитала ему письмо, полученное отъ его папы, полное интересныхъ описаній и приключеній по пути и ласковыхъ совѣтовъ и наставленій. Послѣ чтенія, Саха поцѣловалъ бабушку и отправился спать.

Неро, какъ тѣнь слѣдовавшій всюду за нимъ, улегся на коврикѣ у его постели. Оба немедленно уснули.

Лиду разбудили крестьяне, проѣзжавшіе по дорогѣ. Звенѣли бубенчики и крестьяне громко погоняли лошадей. Дѣвочка въ испугѣ бросилась въ кусты и тамъ, дрожа отъ холода и страху, ждала пока они проѣдутъ. Но проснувшись и увидавъ себя въ темнотѣ, она уже не рѣшилась провести цѣлую ночь одной въ темномъ, большомъ лѣсу. Ей стали мерещиться всякіе ужасы и вдругъ захотѣлось приблизиться къ жилью, увидѣть хоть издали огонекъ, знать, что люди недалеко. Вскорѣ въ концѣ тополевой аллеи мелькнулъ ярко освѣщенный домъ Покровскаго. Она невольно подошла поближе. Аллея примыкала къ огромному лугу, отдѣленному только изгородью. Чернушка спокойно пролѣзла между ея колыями и очутилась въ кустахъ. Лида бросилась за ней и... мы знаемъ, что случилось дальше. Лида вернулась обратно, неся бѣдную, полумертвую Чернушку. Чувствуя, что птица не шевелится, она присѣла на пенекъ, завернула птицу въ платокъ и стала согрѣвать ее своимъ дыханьемъ.

— Бѣдная, Чернушка! шептала она и приглаживала ей память, растрепанныя перья. — Бѣд-

няжка моя! Какіе здѣсь злые люди и собаки! Но что же мнѣ дѣлать? Неужели ты умрешь?

Птица не шевелилась. Долго сидѣла Лида неподвижно, устремивъ взглядъ въ пустынную даль. Завтра быть можетъ найдутъ на снѣгу и ее такой же неподвижной, какъ и теперь Чернушка. Но ей все равно. Она въ сущности и не знала хорошенько, что значить умереть. Вѣроятно вотъ такъ, какъ Чернушка: ничего больше не видѣть и не слышать. И тогда кто-нибудь сдѣлаетъ для нея тоже, что она сейчасъ должна сдѣлать для Чернушки, вырыть въ землѣ подъ снѣгомъ поглубже ямку и потомъ.... Когда ямка была готова, Лида съ тоской и глубокой нѣжностью прижала еще разъ къ лицу ворону. Бѣдная Чернушка! Какъ ей будетъ холодно одной въ землѣ! Но что это за звуки? Неужели она ошибается. Нѣтъ-нѣтъ! Она не ошиблась! Она ясно чувствуетъ легкое содроганіе птицы... Возможно ли это? Дѣвочка крѣпче прижимаетъ воронку къ себѣ. Вдругъ въ отвѣтъ на свою ласку, она чувствуетъ, что птица слегка поклевываетъ ее щеку. И сама не зная, что дѣлаетъ, Лида начинаетъ бѣгать по снѣгу, горячо цѣлуя птицу, говоритъ ей ласковыя слова, укачиваетъ ее, какъ ребенка, и все ходитъ взадъ и впередъ, и отъ возбужденія не можетъ остановиться. Она почти не чувствуетъ

ледяного вѣтра. До нея доносится, какъ въ сосѣдней деревнѣ сторожъ отзваниваетъ часы. Но она не считаетъ ихъ. Не все ли ей равно, который часъ? Развѣ не всѣ часы похожи одинъ на другой и развѣ новый часъ можетъ принести ей что-нибудь хорошее?

Сапа никакъ не можетъ заснуть. Часы въ бабушкиной комнатѣ бьютъ полночь. Только полночь! Какъ долго и скучно еще ждать утра! Чтобы развлечься, онъ начинаетъ вспоминать все, что случилось за день, и вдругъ неприятное воспоминаніе о цыганочкѣ съ птицей у лица тревогой наполняетъ его сердце. Онъ во всѣхъ подробностяхъ представляетъ себѣ минувшую сцену. Онъ поднимается съ подушки, садится на кровати, обхватываетъ руками колѣни и начинаетъ думать.

Куда цыганочка такъ тихо и уныло пошла? Можетъ быть, она теперь замерзла, или заблудилась гдѣ-нибудь въ лѣсу. Зачѣмъ онъ былъ такъ жестокъ, что не пригласилъ дѣвочку къ себѣ и не далъ ей погрѣться и поѣсть?

И онъ потихоньку слѣзаетъ съ постели и босякомъ подходитъ къ окну и всматривается въ темноту, стараясь различить въ ней знакомую фигурку. Сквозь разорванные облачка проглядываетъ луна и освѣщаетъ покрытый снѣгомъ лугъ, паркъ, кусты и тополевою аллею.

Но что это тамъ мелькаетъ взадъ и впередъ вдаль у пенька? Саша вглядывается пристально и вдругъ узнаетъ Лиду. Сердце его трепещетъ. Никакого сомнѣнія, онъ узналъ дѣвочку, ея короткую юбку и падающій съ головы платокъ, въ который она куталась, когда уходила отъ собаки.

Значить, на свѣтѣ дѣйствительно есть бездомныя дѣти, у которыхъ негдѣ переночевать и которые должны спать прямо на снѣгу?

Онъ читалъ объ этомъ, видалъ это на картинкахъ, но ему всегда казалось, что на самомъ дѣлѣ это не такъ и что все это сочинили нарочно, чтобы пріучить его быть добрымъ и жалѣть другихъ.

И онъ ошущю, сталъ одѣваться. Неро съ удивленіемъ заворчалъ и безпокойно зашевелился на коврикѣ, Саша присѣлъ на полъ, притянулъ его къ себѣ за переднія лапы и поглядѣлъ ему прямо въ глаза.

— Слушай, Нерка, сказалъ онъ. — Ты пойдешь сейчасъ со мною, но ни единого звука! Понимаешь? Чтобы насъ никто не услышалъ! Мы должны съ тобой ее спасти!

Неро завилялъ хвостомъ, сталъ лизать Сашѣ руки и лицо и заскулилъ. Саша понялъ это, какъ знакъ согласія, и быстро сталъ одѣваться. Онъ и самъ еще не зналъ, что дѣлать. Одно было для него ясно. Невозможно было оставаться въ теплой, уютной комнатѣ самому въ то время, какъ эта жал-

кая, маленькая тѣнь одиноко бродила по аллеѣ взадъ и впередъ. Нужно было ее пріютить на ночь хотя бы въ сараѣ, или въ оранжереѣ. Но какъ туда дойти? Ночью деревья принимаютъ такія страшныя очертанія и формы, совсѣмъ не то, что днемъ! Потомъ вѣтеръ гудитъ между вѣтвей и кажется, что это плачутъ люди. А тѣни отъ деревьевъ при лунномъ свѣтѣ такія длинныя-длинныя и движутся какъ чудовища. Жаль, Егорушки нѣтъ, тогда совсѣмъ-бы не было страшно! Но что же дѣлать, нужно рѣшиться и было бы стыдно не идти!..

И онъ рѣшился и наконецъ храбро подошелъ къ двери. Она была заперта на ключъ. Онъ повернулъ его и на весь домъ раздался гулкой стонъ замка.

— Кто тамъ? послышался вдругъ издали голосъ бабушки.

Онъ отворилъ дверь уборной, отдѣлявшей его комнату отъ бабушкиной и вошелъ къ ней въ спальню. Тамъ горѣлъ ночникъ. Бабушка сидѣла на кровати въ чепцѣ и въ бѣлой кофточкѣ и въ страхѣ крестилась.

— Это я, бабушка, отвѣтилъ Саша.—Небойся.

Увидѣвъ полуодѣтаго, взволнованнаго Сашу, бабушка испугалась.

— Ты болѣнь? спросила она.— У тебя болитъ животъ?

Но онъ живо рассказалъ ей все.

— Это тебѣ приснилось! сказала она.—Ты бредишь!

Но онъ отдернулъ занавѣску и показалъ ей на маленькую тѣнь, мелькавшую взадъ и впередъ по аллеѣ. Взволнованная до глубины души, бабушка разбудила няню и въ двухъ словахъ объяснила ей, въ чемъ дѣло.

Кряхтя и ворча, няня отправилась въ тополевую аллею. Впереди

Теперь надо ее обогрѣть и дать ей поѣсть! Уфъ, какъ холодно!

Саша тихонько вышелъ въ переднюю, взялъ Лиду за руку и робко, запинаясь, сказалъ:

— Слушай... Не обижайся на насъ... Я и Неро не нарочно обидѣли тебя. Мы оба ужасно рады, что ты къ намъ пришла!

Наводненіе: — 77

нея мчался Неро, а Саша сидѣлъ у окна, волновался и ожидалъ съ нетерпѣніемъ, когда онъ возвратится назадъ.

Наконецъ послѣ десяти минутъ, показавшихся Сашѣ безконечными, няня привела дѣвочку въ домъ.

— Ну, вотъ вамъ! раздался въ сѣняхъ голосъ няни.—Привела!

Лидя не отвѣтила ничего. Ноги ея оставляли мокрые слѣды отъ таявшаго снѣга, и вся она дрожала отъ холода, страха и усталости. Ее ввели въ бабушкину комнату, гдѣ горѣлъ еще каминъ, и посадили у огня. Она молчала и недовѣрчиво и угрюмо оглядывалась по сторонамъ и закрывала руками лицо. Черезъ четверть часа няня

принесла ей чашку горячаго чаю и кусокъ хлѣба.

Бабушка ласково взяла отъ нея скрипку и положила ее на стулъ, а Чернушку посадила къ себѣ на кровать.

— Кушай, дорогая! Согрѣйся!.. обратилась она къ Лидѣ и подала

сердце и исчезли ея страхи и огорченія и смѣнились чувствомъ невыразимаго, никогда раньше не испытаннаго покоя и нѣжности. Стоявшая сбоку нянька вытирала слезы, а Сашѣ хотѣлось не спать до утра и начать играть съ Лидой, показать ей всѣ свои игрушки и распро-

непрятное положеніе.

ей чай и хлѣбъ.—Тебя это подкрѣпить!

Послѣ легкаго колебанія малютка прикоснулась губами къ чашкѣ. Вдругъ она отставила чашку къ сторонѣ и съ рыданіемъ бросилась къ бабушкѣ на шею. Въ первый разъ въ жизни сочувствіе и ласка согрѣли ея душу и она вдругъ почувствовала, какъ растаяло ея

сердце и исчезли ея страхи и огорченія и смѣнились чувствомъ невыразимаго, никогда раньше не испытаннаго покоя и нѣжности. Стоявшая сбоку нянька вытирала слезы, а Сашѣ хотѣлось не спать до утра и начать играть съ Лидой, показать ей всѣ свои игрушки и распро-

суть ее обо всемъ. Но было уже поздно и бабушка послала его спать.

— Иди, иди, говорила она.—Поиграете завтра! Пора теперь спать! — А какъ-же эта дѣвочка? спросилъ Саша.—Она переночуетъ у насъ?

Бабушка поглядѣла на Лиду, улыбнулась и ласково отвѣтила:

— Она останется у насъ на всегда!

Саша взвизгнулъ и помчался къ себѣ въ комнату.

Всѣ успокоились. Лиду накормили и уложили спать поудобнѣй въ комнатѣ у няни. Она свернулась калачикомъ и скоро заснула.

Няня стояла около нея, глядѣла на нее и ласково причитала:

— Бѣдняжечка ты моя... Страдала ты моя несчастная... Кто ты?.. У кого они тебя украли?

А Лида спала и видѣла счастливые сны.

Е. Ш.

ПЕРЕДЪ ВЕСНОЙ.

Все снѣгъ и снѣгъ... А подъ снѣгами
Спитъ крѣпкимъ сномъ еще земля,
Но тамъ, за синими морями,
Черезъ лѣса, черезъ поля
Спѣшитъ весна къ намъ молодая
И гонитъ мертвые снѣга...
И побѣгутъ ручьи, играя!
Прозрачной рѣчки берега

Травой одѣнутся росистой
И въ чистой рѣчкѣ, серебристой,
Блестя на солнцѣ чешуей,
Заплещетъ рыбокъ рѣзвыхъ рой.
Начнетъ рѣзвиться пестрой стаей
Веселыхъ птичекъ хороводъ,
А тамъ, въ апрѣлѣ или въ маѣ,
И ландышъ нѣжный разцвѣтетъ.

Такъ пусть съ вѣтрами и снѣгами
Метель бушуетъ у окна!
Теперь ужъ скоро! За морями
Ужъ собралася къ намъ весна! Е. С.

МѢТКА «Е. И.».

Была темная августовская ночь. Море было совершенно спокойно, но спустился такой непроницаемый туманъ, что ничего не было видно даже въ двухъ шагахъ. Пароходъ „Святой Евстафій“ плылъ изъ Батума въ Одессу и везъ очень много пассажировъ. Все время была ясная, тихая погода, пассажиры были довольны, что совершали свое путешествіе такъ благополучно, какъ вдругъ на послѣднемъ

перегонѣ спустился туманъ и пришлось, во избѣжаніе несчастій, дать пароходу малый ходъ. Онъ тихонько подвигался впередъ по водной поверхности и казалось, что и самый туманъ двигался вмѣстѣ съ нимъ. По временамъ пароходъ гудѣлъ, чтобы дать о себѣ знать другимъ, и по тону голоса и движеніямъ капитана и его помощниковъ можно было догадаться, что положеніе было

серьезное и что пароходъ рискнулъ налетѣть на подводные камни или прочно засѣсть на мель.

— Кажется, мы должны проходить сейчасъ мимо маяка? обратился къ капитану молодой офицеръ, вѣхавшій на пароходъ вмѣстѣ со своей женой и маленькимъ груднымъ ребенкомъ, котораго держала на рукахъ старушка-няня.

— Да, отвѣтилъ капитанъ,—но спустился густой туманъ, и положительно ничего не видно по сторонамъ. По всей вѣроятности, мы уже прошли мимо маяка съ полчаса тому назадъ.

И онъ озабоченно сталъ вглядываться въ непроницаемую даль.

Подошелъ какой-то господинъ съ мальчикомъ-гимназистомъ лѣтъ десяти.

— Въ которомъ часу мы придемъ завтра въ Одессу? обратился онъ къ капитану.

Капитанъ отвелъ глаза отъ бинокля и нерѣшительно отвѣтилъ:—

— Теперь я не сумѣю вамъ этого сказать; мы идемъ малымъ ходомъ и неизвестно, когда еще разсѣется туманъ.

Офицеръ съ семьей и господинъ съ гимназистомъ вѣхали вмѣстѣ отъ самой Керчи и уже успѣли за дорогу сдружиться. Они стояли теперь всѣ вмѣстѣ на палубѣ, всматривались въ даль и съ тревогою поглядывали въ сторону берега, гдѣ должны были по ихъ расчетамъ показаться огни маяка.

— Няня, обратилась жена офицера къ старушкѣ,—ты бы шла съ Леночкой спать! Сойди съ ней внизъ, раздѣнь ее и уложи!

Няня простилась и отправилась съ ребеночкомъ въ каюту.

— Шель-бы и ты, Костя, тоже спать... обратился къ гимназисту господинъ.—Пора уже... Десятый часъ!

Костя схватилъ его за руку.

— Подожди, дядя! отвѣтилъ онъ.—Мнѣ хочется увидѣть огонь маяка!

Онъ приложилъ ладонь къ глазамъ и сталъ глядѣть въ туманное пространство. Но огни не показывались. Вокругъ парохода сгустилась непроницаемая мгла, сквозь которую не видно было даже фонарей на самомъ пароходѣ. Пассажиры кучками столпились у бортовъ и съ тревогою поглядывали на море. На всемъ пароходѣ стояла тишина и только слышно было, какъ гдѣ-то внизу работала машина: бумъ-бумъ-бумъ...

— Видны огни? кликнулъ кому-то капитанъ.

— Никакъ нѣтъ, отвѣтилъ кто-то въ темнотѣ.

— Полѣзай наверхъ и погляди! Темная фигура лѣзетъ наверхъ и скрывается въ густомъ туманѣ.

— Видишь? кричитъ ей снова капитанъ.

— Никакъ нѣтъ!.. слышится голосъ сверху.

Вдругъ капитанъ срывается съ

мѣста и съ крикомъ бѣжить куда-то къ кормѣ.

— Вправо! кричитъ онъ, насколько хватаетъ у него голоса и силъ.— Вправо!

Затѣмъ онъ подбѣгаетъ къ колоколу и начинаетъ въ него звонить.

По всему пароходу проходить вдругъ судорога.

— Вправо! кричитъ капитанъ.— Право на бортъ!

По темной палубѣ пробѣгаютъ взадъ и впередъ встревоженные матросы. Раздается продолжительный гудокъ парохода, съ нимъ смѣшивается звонъ колокола и въ одну минуту всѣми пассажирами овладѣваетъ вдругъ тревога.

— Что случилось? спрашиваютъ они.

Костя смотритъ на дядю большими, встревоженными глазами и бѣжить затѣмъ туда, откуда доносится звонъ.

При слабомъ свѣтѣ фонаря онъ видитъ искаженное гнѣвомъ лицо капитана, слышитъ, какъ онъ отдаетъ одно приказаніе за другимъ, и видитъ, какъ судорожно его рука звонитъ въ колоколь.

Затѣмъ слышится непонятная команда, по всему пароходу начинается бѣготня, раздаются полные тревоги вопли, пароходъ пыхтитъ, вздрагиваетъ и замѣтно начинаетъ пятиться назадъ.

— Что такое? слышатся голоса.— Въ чемъ дѣло?

— Задній ходъ! кричитъ капитанъ.— Полный ходъ назадъ!

Сквозь сѣдой туманъ показываются сбоку какіе-то красные огни, раздается чей-то другой гудокъ, слышатся звуки чьего-то другого колокола, доносятся шумъ и крики и у самого борта „Святого Евстафія“ показывается носъ какого-то чужого парохода.

— Столкновение!.. слышатся голоса.— Сейчасъ мы погибнемъ!

— Назадъ! Назадъ!

— Спасайся, кто можетъ!

Раздается оглушительный трескъ и визжанье разворачиваемыхъ желѣзныхъ листовъ, чужой пароходъ врѣзывается носомъ въ бокъ „Святого Евстафія“, онъ содрогается, на немъ все летитъ, звенитъ, ломается въ щепы, все смѣшивается и слышатся крики ужаса и обезумѣвшіе пассажиры видятъ, какъ пароходъ разламывается на двѣ части и какъ волны съ ревомъ бросаются на палубу и смываютъ съ нея все, что на ней находится. Крики капитана. Звонъ колокола. Шипѣніе пара. Гудѣніе свистковъ. Вопли женщинъ и громкій плачь дѣтей. Туманъ обволакиваетъ собою все и совершенно невозможно понять, гдѣ свой и гдѣ чужой пароходъ и какъ теперь спастись. По палубѣ носится гимназистъ Костя и во весь голосъ кричитъ:— „Дядя! Дядя!“

Обнявши свою жену и тѣсно прижавъ ее къ себѣ, офицеръ кличетъ свою няню съ ребенкомъ.

— Няня! няня!

— Леночка! Лена! Гдѣ она? стонетъ офицерша.

Всѣ бросаются въ ту сторону, гдѣ раздается команда капитана, но обломки „Святого Евстафія“ погружаются въ море и затѣмъ медленно идутъ ко дну. Офицеръ и его жена погружаются въ воду, Костя летитъ стремглавъ въ морскую глубину и когда снова затѣмъ появляется на поверхности, то не видитъ вокругъ себя ничего и только слышитъ раздирающіе крики утопающихъ пассажировъ.

— Господи, спаси меня! шепчетъ онъ.—Господи, помоги мнѣ! Не дай мнѣ утонуть!

Онъ слышитъ гдѣ-то сбоку гудокъ чужого парохода, крики и команду его капитана, хочетъ поплыть туда, взобраться на этотъ пароходъ и спастись, но какой-то узелокъ вдругъ подвертывается ему подъ руку, онъ хватается за него и вдругъ видитъ, что это ребенокъ. Это—Леночка. Она чихаетъ, поперхнулась, но не утонула, и передъ Костей встаетъ вдругъ сознаніе, что онъ долженъ спасти ее во что-бы то ни стало, чтобы передать ее матери и отцу, хотя-бы это спасеніе стоило жизни ему самому. Онъ беретъ ее одной рукой, начинаетъ барахтаться, но силы измѣняются ему и онъ чувствуетъ, что долженъ пойти сейчасъ ко дну или-же отказаться отъ спасенія ребенка. Но въ это

время ему подвертывается подъ руку обломокъ какой-то доски. Онъ хватается за нее, беретъ ребенка за свивальникъ въ зубы и начинаетъ гребти.

Но онъ гребетъ совсѣмъ не туда, гдѣ стоитъ чужой пароходъ. Его тянетъ теченіемъ куда-то въ сторону, туманъ по прежнему окружаетъ его со всѣхъ сторонъ, онъ выбивается изъ силъ и вдругъ начинаетъ понимать, что его уноситъ въ открытое море, и ужасомъ наполняется его сердце. Крики постепенно стихаютъ, гудокъ чужого парохода слышится уже гдѣ-то далеко и затѣмъ стихаетъ и онъ.

Держась одною рукой за доску и волоча въ зубахъ ребенка, Костя гребетъ другою рѣкой и не знаетъ, куда плыветъ.

— Господи, спаси меня! шепчетъ онъ.—Господи, не дай мнѣ утонуть!

И онъ все гребетъ и гребетъ.

А когда наступаетъ разсвѣтъ и разсѣивается туманъ, то онъ видитъ передъ собою узкую красную полосу незнакомаго берега. Онъ направляется къ ней и чувствуетъ, что если онъ не выберется сейчасъ на сушу, то силы измѣнятся ему, онъ выпуститъ изъ рта ребенка и оба они погибнутъ. Но онъ напрягаетъ послѣднія усилія, гребетъ еще и еще и вдругъ чувствуетъ подъ собою песчаное дно. Онъ становится на него ногами

и, крѣпко прижавъ къ себѣ ребенка, уже пѣшкомъ отправляется къ краснѣющей вдаль кочѣ. Онъ промокъ до костей. Ему холодно, онъ дрожить и звонко отъ дрожи стучить зубами.

Но что за дѣло? Теперь онъ спасенъ, и, что важнѣе всего, онъ спасъ чужую жизнь.

Онъ выходитъ на берегъ и безъ чувствъ падаетъ на влажный песокъ. Около него лежитъ ребенокъ и плачетъ. Но онъ не слышитъ его. Восходитъ солнце, обсушиваетъ и согрѣваетъ ихъ и когда мѣстные рыбаки проходятъ мимо и замѣчаютъ ихъ, то оба они спятъ и улыбаются во снѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

—скій.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Все лѣто лиль дождь, какъ изъ ведра? Почему именно онъ лиль?

(Предложилъ Сережа Фохтъ).

II.

Задумано слово, состоящее изъ девяти буквъ—1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9.

Буквы 1. 6. 5. 4. 9—означаетъ названіе птицы, рано возвращающейся къ намъ весною, 8. 7. 6. 2. 3. 9—названіе хищной птицы, которая живетъ 200 лѣтъ, 3. 7. 1. 5—часть тѣла человѣка, птицъ, животныхъ и насѣкомыхъ, 8. 5. 3. 3. 5—мѣсто, гдѣ моются.

Отгадать всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ фамилію русскаго писателя.

(Предложила Леля Васильева).

III.

—Зачѣмъ въ поѣздѣ ѣдетъ также и товарный вагонъ?

На деревѣ сидѣла бѣлка. Когда охотникъ ранилъ ее, то она на трехъ лапкахъ должна была убѣжать къ себѣ въ норку. Почему она убѣжала, а не отдалась охотнику живая?

(Предложилъ Коля Побѣдимовъ).

IV.

Какую цѣпь нельзя сдѣлать изъ металла?

(Предложила Жевя Мартинсонъ).

V.

Изъ нижеслѣдующихъ фразъ взять по одному слову и составить изъ этихъ словъ фразу, которой начинается извѣстная басня Крылова:

1) Мама пропѣла такъ чудно, что всѣ пришли въ восторгъ.

2) Взшло красное солнышко и согрѣло продрогшихъ рыбаковъ.

3) Все лѣто было дождливое и дѣтямъ пришлось мало гулять.

4) Надъ быстрою рѣчкой летала стрекоза.

5) Моя младшая сестра большая попрыгунья.

(Предложила Зина Трояновичъ-Піотровская).

VI.

Задуманное слово состоитъ изъ одиннадцати буквъ. 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. Буквы 1. 9. 3. 8. 2. означаютъ вещь, которой ѣдятъ супъ, 1. 4. 10. 11. царя звѣрей, 5. 7. 3. 11.—птицу, которая

хорошо поеть, 3. 4. 6. 2.—женщину замужемъ, 8. 2. 6. 2. 10. 2.—стокъ воды, 3. 2. 1. 9.—чѣмъ кусается пчела. Отгадать это задуманное слово, которое означаетъ фамилію русскаго писателя.

(Предложилъ Костя Бурцевъ).

VII.

Задуманы три слова, означающія:

1) Домашнее животное.

2) Предметъ, необходимый въ сельскомъ хозяйствѣ и въ усадьбѣ.

3) Душистую вкусную ягоду.

Отъ cadaго изъ этихъ словъ взять по первому слогу и составить изъ нихъ новое слово, которое означаетъ то, что остается послѣ молотбы хлѣба. Какое это слово?

VIII.

Задуманы три слова, означающія:

1) То, изъ чего плетутъ лапти.

2) То, изъ чего стрѣляютъ.

3) То, изъ чего ѣдятъ.

Отъ cadaго изъ этихъ словъ взять по первой и по послѣдней буквѣ и составить изъ нихъ три

слога. Изъ этихъ слоговъ должно образоваться новое слово, которое означаетъ инструментъ, необходимый въ домашнемъ быту.

Какія слова задуманы и какой это инструментъ?

IX.

Я влѣзаю въ ухо къ своей сестрѣ, но я вовсе не серъга. Куда идетъ сестра, туда иду и я. Чтобы дать мнѣ дорогу, сестра моя неуклонно идетъ впередъ и больно кусаетъ того, кто съ нею неостороженъ или становится поперекъ ея пути.

Кто мы?

X.

Я люблю вѣшаться на плечахъ у людей. Человѣкъ—мой рабъ: онъ ни одной минуты не можетъ прожить безъ меня. Но, будучи моимъ рабомъ, завися отъ меня и не смѣя безъ меня ступить и шагу, онъ тѣмъ не менѣе мой господинъ и повелитель и часто вѣшаетъ меня, поретъ и рѣжетъ на куски. Что я такое?

Рѣшеніе головоломки и ребуса, помѣщенныхъ въ № 8 „Золотого Дѣтства“.

I) Мчатся тучи, вьются тучи, невидимкою луна освѣщаетъ снѣгъ летучій, мутно небо, ночь мутна.

II) Тюль+панъ=Тюльпанъ.

Шуточные вопросы:

1) Сколько ни три теленка, все у него будутъ четыре ноги. 2) Ста-ла жить третій годъ. 3) По возду-ху. 4) За заборами.

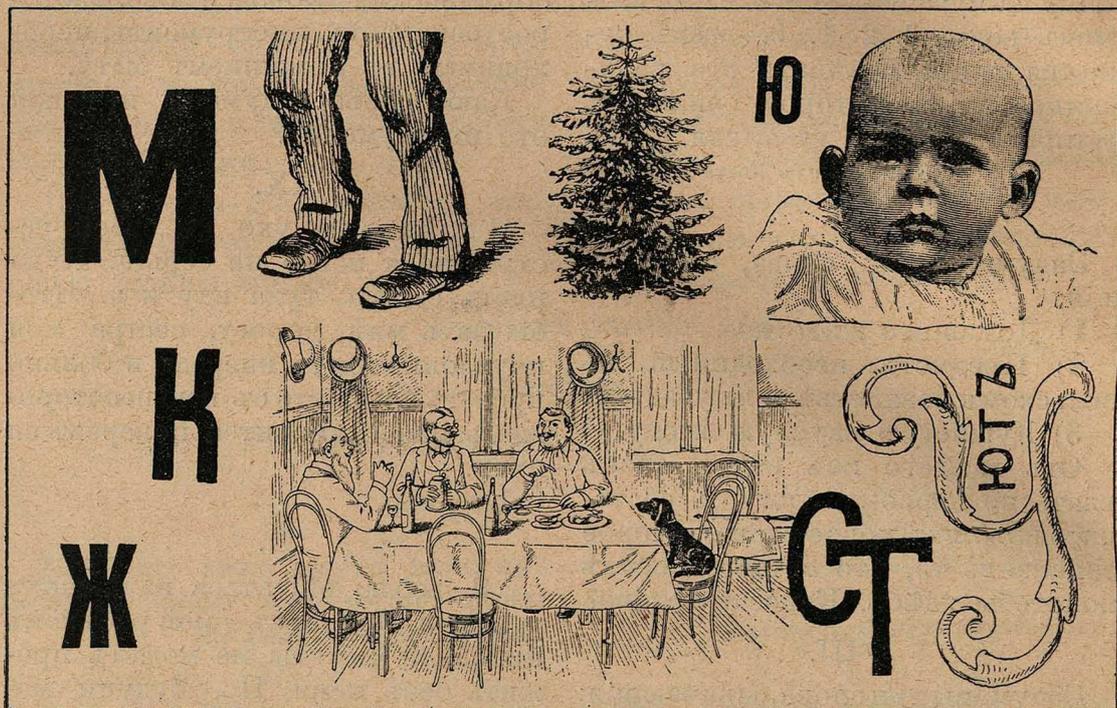
Ребусъ.

На до+рогъ+ѣ+око+л+осель
+а+въ а ля+лосъ+р+ужъ+е=

На дорогѣ около села валялось ружье.

Вѣрные рѣшенія прислали: Владя Клаусъ изъ Вильны, Сережа Лисенко изъ Елисаветполя, Андрияша Федотовъ—донской казачокъ изъ Новочеркасска, Женя Стрекоза, Оля Воротилова въ Спб., Сережа Тушканчикъ въ Спб., Женя Мятеева въ Спб., Оля и Лина Петровы, Кока Нарбутъ, Вася Ивановъ, Эда, Вита и Лена Бригевичи изъ Θεодосіи, Ника Поляковъ, Оля Якимова, Надя Иванова, Ваня Митрофановъ, Надя, Митя и Валя Соколовы, Константинъ Бурцевъ въ Спб., Нечочка Языкова, Сережа Иванцовъ, Араксія Кегамянцъ, Нотя Пыжина, Коля Донецъ изъ Ташкента, Шура Ермолинскій изъ Кларана (Швейцарія), Петя Фялковскій, Нина Трояновичъ-Пиотровская, Лида Мазунина, Шура Ермольева въ Спб., Костя Повалаевъ, Лева Бѣлявскій въ Спб., Надя Марина, Женни Мартинсонъ, Хаяси Томака, Аркаша Исаевъ, Дуся Абрамова, Вѣрочка Θε-

Ребусъ № 8.

дорова, Коля Побѣдимовъ, Катя Алексѣева, Шура Мурзина со ст. Лозовой, Петя Авдѣевъ, Федя Капустинъ, Миша Шифринъ изъ Кіева, Кока Назаровъ, Володя Вагнеръ, Дуся Москалева изъ Кіева, Коля и Паля Ивановы и Володя Афанасьевъ изъ Вытегры, Боровикъ и Мухоморъ изъ Лѣса, «Золотая Дѣтка», Витя Ножевичъ, Витя Афанасьевъ въ Спб., Сима Афанасьева въ Спб., Оля Сидорова, Володя Сидоровъ изъ Москвы, Маргариточка Бергъ, В. Румшевичъ, Игорь Максимовъ изъ Удѣльной, Ваня Филипповъ, Саня Хламова изъ Шадринска, Сонечка Андреева изъ Костромской губ., Гриша Казанскій, Янка и Стасюня Тодеско изъ Гуниба Дагестан. обл., Коля Разсадинъ, Алеша Лихолетъ изъ Харькова, Лиля, Женя и Витя Даниловы изъ Вильны, Нета Гулярова, Муся и Володя Визи въ Спб., Кисочка и Мышка, Дмитрій Дормидонтовъ изъ Пензы, Василекъ, Сережа и Шура Исааковичи изъ Яцына Путивльскаго уѣзда, Нина и Шура Ерченко изъ Кіева, Володя и Вася Смирновы, Валя Фигурская изъ Теплика, Галя Ротмистрова изъ Житомира, Леля Васильева со ст. Пинскъ, Семень Рабанъ изъ Маріамполя, Ксенія Вани-

фатьева изъ Екатеринослава, Жоржикъ Сухихъ изъ Купянска, Петя Ненужный, Сережа Фохтъ, Миля Левинсонъ изъ Пскова, Романъ и Александръ Зайдель изъ Вильно, Владиміръ, Евгений и Георгій Конрадъ, Зоя Рейшахъ-Ритъ изъ Пензы, Вѣра Менделѣва изъ Славянска, Катя Плотникова изъ Юрьева, Шушу Георгіевская, Адя и Юра Алякринскіе изъ Владимира, Женя и Боря Балакшины изъ Кургана Тобол. губ., Вѣра Стратонитская изъ Пѣжина, Милочка Купріянова, Юрій Елисеѣвъ изъ Нахичевани на Дону, Федя, Саня и Коля Климъ изъ Токмакова, Миронъ Ципоркесъ, Зина Сапожкова изъ Каменца-Подольска, Маня, Соня и Саша Кессель изъ Харькова, Кока Ливанскій, Володя Теремецкій изъ Гатчины, Витя Вальдцеферъ изъ Касимова, Георгій Зотовъ, Люся Аргоболевская изъ Челябинска, Володя Снитко изъ Поневѣжа, Игорь Бочаровъ изъ Пскова, Маруся и Нина Безиргановы изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, Лида Кисина изъ Москвы, Таня и Шура Горлачевы изъ Грайворона, Конрадъ Чарноцкій изъ Суйды, Маруся Лупакова, Раиса Головашкина изъ Тифлиса, Марія Негупицына, Саша и Миша Никитины изъ Уфы.

Това е само пример

ОТКРЫТА ПОШТА

1914 год

ПОШТОВЫЙ ОТДЕЛ

№ 1234

ПОШТОВЫЙ ЧЕК

на сумму 10 рублей

в пользу

г. Москва

1000

Всего руб. 1000

Сумма в прописных числах

Сумма в прописных числах

Годъ изданія четвертый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1911 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей **М. П. ЧЕХОВА.**

Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ: книга «Въ тепломъ гнѣздышкѣ»—сборникъ рассказовъ для дѣтей съ рисунками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель **М. П. Чеховъ.**